

ОН МЕНЯ ПОГУБИТ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ОЛИВИЯ ЛЕЙК

Оливия Лейк

Он меня погубит

Серия «Горячие мужчины», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66624498

SelfPub; 2021

Аннотация

Он: меня жгла, переполняла ненависть. Благодаря ей я выжил. Пять лет я ждал, чтобы отомстить: за смерть брата, слезы матери и горе отца. Меня лишили семьи, дома, свободы, но я вернулся и буду беспощаден. Никакого снисхождения. Я уничтожу своего врага и начну с его дочери...

Она: я всегда жила в золотой клетке с тяжелыми, очень тяжелыми замками. Вышла замуж, чтобы вырваться из-под власти отца, но оказалась в руках подонка мужа. Я больше не ждала "завтра", пока не появился Он. Жесткий, властный, неприступный. Он похитил меня, чтобы я стала орудием мести. Он меня погубит...

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	25
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Оливия Лейк

Он меня погубит

Пролог

Мелена

– Мэм, можно побыстрее? – нервничала я. Мне огромных трудов стоило уговорить миссис Харрис, педагога по вокалу, отпустить меня на полчаса раньше. Нужно успеть до приезда водителя. Майк непременно обо всем доложит отцу, а этого допустить нельзя. Все однокурсники идут на фестиваль поп-музыки, и я тоже хочу, но меня не отпустят, никогда не отпустят, но если будут билеты... Почему же их так долго регистрируют! Я бросила взгляд на изящный циферблат часов – времени в обрез!

Мама обещала уговорить отца отпустить меня с ночевкой к Келли, лучшей и единственной подруге, а там уж я выберусь. Это будет мой подарок на восемнадцатилетие!

– Карта или наличные?

– Наличные, – робко улыбнулась и суетливо отдала ей двести долларов. Никаких финансовых следов!

Я стремительно выскочила на улицу и бросилась по Бельведер-Роуд вверх на один квартал. Я должна успеть, просто

обязана! На светофор в узком проулке не посмотрела, кидаясь на дорогу: визг тормозов и запах паленой резины заставили испуганно обернуться и замереть на месте. Капот черного спортейджа остановился в дюйме от меня. Если бы у водителя были проблемы с реакцией свой день рождения я встречала бы в больнице.

Дверь рывком открылась, демонстрируя хозяина машины. Молодой мужчина в белой сорочке с закатанными руками и распахнутым воротом, голубые брюки и массивный «Ролекс». Так, кажется, я нашла неприятности.

– Мисс, – резко окрикнул он, – элементарные правила дорожного движения даже дети знают!

Он порывисто снял темные очки, и у меня земля ушла из-под ног. Стальные с поволокой глаза смотрели осуждающе и грозно, скулы на худом, словно вылепленном из мрамора лице, были острыми и высокими. Загорелая бронзовая кожа и чуть выющиеся темные волосы навевали ассоциации о жарком юге, солнце и море. За всю свою недолгую жизнь я не видела никого красивее.

– Вы в порядке? – резкость в густом баритоне сменилась тревожностью. Наверное, считает меня ненормальной: сначала бросилась под колеса, теперь стою и глазею с открытым ртом.

– Извините, – пролепетала, стыдливо отводя глаза. Нельзя так пристально разглядывать людей! – Я просто очень торопилась.

– Если вы продолжите торопиться, то не доживете до вечера.

– Если я через пять минут не окажусь возле «Атлантик колледжа», то в любом случае умру.

– Даже так? – весело заметил он, явно забавляясь ситуацией. – Вы слишком молоды, чтобы умирать. – Он подошел к пассажирской двери и распахнул, без слов предлагая подвезти.

Я понимала, что не должна соглашаться. Ехать с незнакомцем – вверх безумия. Но он был обаятельным, невероятно красивым и казался добрым. В окружении отца – своего окружения у членов его семьи, по сути, не было – крутились только хищники и стервятники.

– Мы ведь даже незнакомы, – привела аргумент я.

– Так давайте познакомимся. Как вас зовут?

– Мелена.

– Мелена и все?

Я кивнула. Фамилия Берроуз в Палм-Бич известна всем и каждому.

– Тогда я просто Марк.

Я пожалала протянутую, приятно горячую ладонь и села в машину. У меня сегодня день нарушения запретов. Восхитительное чувство!

– Вы живете в Палм-Бич или отдыхаете? – решила на беседу, когда автомобиль выехал на оживленный бульвар.

– Работаю. Приехал ненадолго, – Марк повернулся и, ко-

ротко улыбнувшись, сказал: – Я родился и вырос на Кайманах.

– О! Я не была, но слышала, что там чудесные пляжи.

– У вас тоже ничего, но с Малым Кайманом не сравнится, – он притормозил у тротуара. Приехали. К сожалению, дорога была совсем не дальней.

– Спасибо, что подвезли, – я открыла дверь и вышла из машины.

– Будь осторожней, Мелена. Ты обязана дожить до двадцати одного и выпить со мной шампанского, – Марк игриво подмигнул и, поймав мою смущенную улыбку, спортейдж сорвался с места. Вот так неожиданно мои неприятности обратились в умопомрачительные сероглазые приятности. Жаль ненадолго.

На фестиваль я так и не попала – отец наказал. Он часто это делал, дай только повод: не то сказала, посмотрела, улыбнулась. Я уже привыкла. Но сейчас все было по-другому. За негаданную встречу я готова была вытерпеть, что угодно. Если бы не решилась на покупку билетов... Да, всю последнюю неделю я мечтала о Марке. Он будоражил воображение и даже пробрался в мои сны. Я понимала, что, скорее всего, мы больше не встретимся – при моем образе жизни этого вообще не должно было случиться. Папа контролировал все и всех, точнее, меня и маму: шаг вправо, шаг влево – ему обо всем докладывала охрана.

– Дорогая, – в комнату вплыла мама, отвлекая от посто-

ронних мыслей. – Ты готова? Гости начали собираться.

Сегодня все сливки Палм-Бич стеклись в особняк Гордона Берроуза – почтить богатейшего человека города. Гостей, приглашенных мной, практически не было, хотя праздновали мой день рождения.

– Детка, какая ты взрослая, – мама провела пальцами по моим волосам, таким же как ее собственные, – и красивая.

– Нет, это ты красивая.

Маму я обожала. Она была самым близким мне человеком, лучиком света. Она – моим. Я – ее. Она ангел и даже внешность это подтверждала. Джоанна Берроуз была самой красивой женщиной Палм-Бич! По-настоящему светлые волосы с серебристыми всполохами, сейчас собраны в элегантную прическу, ясные небесно-голубые глаза, тонкие черты лица и фигура богини. Все знакомые отмечали наше поразительное сходство, но это было ложью – мне до нее далеко. Но я радовалась, что не унаследовала мутные глаза отца и грузную фигуру. Он был старше мамы на пятнадцать лет и напоминал быка с корриды, особенно, когда выходил из себя: яростно раздувающиеся ноздри и глаза, в которых не оставалось ничего человеческого – я передернула плечами, отгоняя образ, слишком часто его видела. Таким он бывал только дома, срывал маску уважаемого бизнесмена и политика. Бедная мама. Только она умела обращаться с ним в таком состоянии. Я даже не представляла, чего ей это стоило.

– Давай наденем диадему, – она аккуратно водрузила мне на голову изящное украшение. Прекрасное дополнение к образу невинной девушки. На мне было легкое струящееся белое платье, волосы, закрученные в небрежные локоны, полностью закрывали спину, косметика только подчеркивала молодость и свежесть – отец любил хвастаться своей собственностью. Сегодня будет его триумф.

– Пойдем, – мама подтолкнула меня к двери, – нужно поторопиться, иначе папа разозлится.

Я взглянула на нее и порывисто обняла, согреваясь ее теплом. Со стороны могло показаться, что наша жизнь идеальная, сытая и довольная. Но мы жили в золотой клетке с тяжелыми замками, очень тяжелыми...

Гости вальяжно устроились за круглыми, украшенными дикими орхидеями и крокусами столами. Оркестр превосходно играл «Believer», официанты подавали угощения, а большой стол для презентов просто ломился от подарков. Меня поздравляли душевно и мило, как умели все эти люди. А притворяться они умели отлично: дежурные улыбки, формальные пожелания – даже я успела усвоить, что мир больших денег не терпит настоящих лиц, только маски.

– А вот и они, – услышала низкий и громкий голос отца, который беседовал с двумя мужчинами, лиц которых не разглядеть – мелкие светлячки-фонарики ослепляли. – С моей женой, Джоанной, вы уж знакомы, а вот и дочь.

Они подошли достаточно близко, я едва сдержала потря-

сенный вздох. Этого не может быть! Марк?!

– Эта моя дочь – Мелена, – отец нахмурился, заметив мою нерасторопность – я должна вести себя как настоящая хозяйка. – Мелена, – с нажимом произнес, – Это Грей и Марк Нортманы, наши партнеры.

– Очень приятно, – выдавила я, подавая руку.

– Поздравляю с днем рождения, юная леди, – старший из братьев галантно поцеловал мне руку. А вот высокий лоб Марка прорезала напряженная морщинка.

Только не выдавай! – мысленно молила я. Он, заметив мою растерянность, подыграл, делая вид, что мы незнакомы.

– У вас красивое имя, Мелена, – его губы, сухие и теплые, легко коснулись руки, а горячо стало в душе. Я затрепетала, опуская глаза, пряча за смущением радость от нежданной встречи. Как после такого не поверить в судьбу?!

Оркестр заиграл вальс, и Марк повернулся к отцу:

– Вы позволите?

Отец благосклонно кивнул, позволяя увести меня на площадку для танцев.

– Просто Мелена, значит? – с ироничной улыбкой поинтересовался Марк и плавно повел меня в танце.

– Прости, просто... – я замялась, прежде чем искренне признаться: – Если папа узнает, что я села в машину к незнакомцу... – я не договорила: почему-то мне показалось, что Марк и так все понял.

– Ты боишься его?

– С чего ты взял?

– По глазам прочитал.

– Отец, он... он... – подбирала слова я. Тиран, деспот, диктатор, манипулятор – все ему подходило. – Он – тяжелый человек и иногда пугает меня.

Марк опустил голову, внимательно изучая мое лицо. Кажется, его удивила моя откровенность, но мне хотелось довериться ему. Не знаю почему, просто хотелось. Возможно, потому что он казался надежным и сильным – я едва до плеча ему доставала даже на каблуках. А еще его горячие ладони обжигали даже через платье.

– Не думал, что у Гордона может быть такая дочь, – задумчиво проговорил, очаровывая серым туманом, которым светились его глаза. Кажется, я схожу с ума.

– Какая такая?

Марк загадочно улыбнулся:

– Такая хорошая девочка.

Это было насмешкой, доброй, но все же. Увы, он считал меня всего лишь милым ребенком.

Музыка погасла, как упавшая звезда, и отец театральным взмахом руки остановил оркестр. Он благодарил гостей, улыбался и шутил, но я не слушала, совсем не слушала: моя кожа до сих пор горела от целомудренных прикосновений случайного знакомого, который оказался совсем неслучайным человеком. По крайней мере для меня.

– Что? – переспросила я, когда мама подтолкнула к сцене.

Я так размечталась, что не услышала, что папа желал послушать мою игру на фортепиано. Мне надлежало сыграть Шопена, но так захотелось удивить Марка, что я, откинув клап, заиграла первые аккорды «Listen to your heart», когда пришло время я запела. У меня было чистое и правильное сопрано, которое украшало любую композицию – по крайней мере мне так говорила миссис Харрис. Мне хотелось опровергнуть мнение, что я правильная, тихая и послушная, хотя, в общем-то, так и было. Пальцы порхали по клавишам, а слова лились легко, из самого сердца. Никогда я не испытывала такого удовольствия от музыки. На меня смотрел, меня слушал... мужчина.

Последние аккорды заглушили бурные аплодисменты, вероятно, поэтому отец все же выдал сухую улыбку, но взгляд все равно обещал долгий и тяжелый разговор. Я ведь ослушалась, а папа не любил сюрпризов...

– Я не приготовил подарка, – улыбнулся Марк, когда мы неспешно брели по тихой аллее, укрытые стеной могучих кипарисов, вдали от праздничной суеты. Он нагнулся и, сорвав травинку, вручил мне.

Я удивлялась, что Марк, красивый молодой мужчина, возится со мной, вчерашней школьницей, но было приятно, поэтому я решилась:

– Не подумай, что я распушенная, но... – резко остановилась, поворачиваясь к нему, пока смелость не покинула: – Меня никогда не целовали, и я хотела, чтобы это был ты.

Марк удивленно вздернул бровь, но больше ничем не выдал, что мой напор ошеломил его. Подошел близко, обдавая свежим ароматом океанского бриза, которым пахла его кожа. Взял двумя пальцами за подбородок, проводя большим по нижней губе, чуть оттягивая ее.

– Уверена? – гипнотическим шепотом спросил.

– Да, – тихо выдохнула, дрожа всем телом: от страха и предвкушения.

Марк обвил мою талию и привлек к груди, размазывая меня о гладкую ткань белоснежной сорочки. Зарылся пальцами в волосы, прихватывая у корней, задирая голову. Его губы были мягкими, а поцелуи жесткими и настойчивыми. Он не знакомил меня с миром плотских удовольствий, он толкал в них, заставляя тянуться к нему, обнимать за широкие плечи, чтобы не утонуть, не разбиться об острые камни реальности, не лишиться своего воздуха. Сейчас он у нас один на двоих.

– Мелена, – шепнул он, коснувшись моих ягодич, сжал и впечатался в меня бедрами. Я испуганно уперлась руками в плечи, страшась его реакции, но больше своей – низ живота налился истомой и невыносимым тянущим чувством.

Я пошатнулась, когда он резко отступил и низким голосом прорычал:

– Беги, малышка Мелена.

– Но...

– Беги, я сказал.

Я побежала – слишком опасно сузились его глаза: в них

что-то бурлило и накалялось, грозясь снести все на своем пути.

Я бежала вдоль аллей и тихих пустынных беседок, клумб с пышными розами и высоких зарослей кустарника. Остановившись, пригладила волосы и отдышалась, успокаивая сумасшедшее сердце. Музыка доносилась сюда фоном, чем-то абстрактными, а вот стоны, женские, тягучие, были вполне реальными. Я понимала, что не должна подглядывать за расслабившимися гостями, но меня влек хриплый, едва слышимый шепот. Нет, этого не может быть...

Я заглянула за поворот небольшого лабиринта из высоких зарослей барбариса и зажала рот рукой – мама?! Я видела стройные загорелые бедра, обвивавшие талию Грея Нортмана. Слышала порочные запретные звуки секса. Ее мольбы не останавливаться.

Я попятилась назад, убегая в противоположную сторону. Мама изменяет отцу?! Боже, как она могла?! Если он узнает... Мне даже подумать страшно, что сделает. Как она может так рисковать? Нами рисковать! Да, это было малодушно, но меня не беспокоила честь отца. Я боялась, что будет со мной и с ней, если об этом станет известно! Ох, мама...

Оставшиеся до праздничного фейерверка полчаса я была сама не своя: рассеянная и усталая. Даже первый поцелуй и вспышки желаний ушли на второй план, уступив место страху. Страсть была для меня неизведанной, а вот страх перед отцом и его яростью знаком.

По чернильному небу разливались яркие вспышки, складываясь в красивые узоры, а я только мечтала, чтобы все поскорее закончилось. Хотела пережить, переварить этот день, полны открытий – не все из них приятные.

Я обернулась, пытаюсь поймать взгляд матери: спокойная и красивая, как всегда. Вот только у меня перед глазами иная картина. Смогу ли я забыть? Смогу ли смотреть на нее прежними глазами. Смогу ли принять, что мама не ангел, а просто женщина?

Отец тоже смотрел на нее и выглядел странно. Именно этого взгляда я боялась больше всего: со злобным огоньком в глубине мутно-голубых глаз. Казалось, что все демоны ада вселились в уважаемого бизнесмена, упорного политика и законченного семьянина. Гордон Берроуз становился злым и жестоким за дверями своего роскошного особняка.

Вечер вымотал, выпил меня до конца. Хотелось уснуть, а проснуться и помнить только упоительные поцелуи Марка Нортмана. Я дотронулась до губ, погладила их как делал он. Откинулась на подушки и осторожно сжала грудь. Приятно. Его представлять приятно. Думать, что он касается меня. Прикрыла глаза, вызывая его образ: высокомерно вздернутый подбородок, властная манера держаться, уверенность в каждом жесте... Станный звук вырвал из сладкого забвения. Я медленно поднялась, подходя к двери. Дом был огромен и в этом крыле жили только мы. Прислуга обитала на противоположной стороне.

Я открыла дверь, выглянула осторожно. Звуки исходили из спальни родителей. Я оценила расстояние: раз я слышу, значит, что-то серьезное происходит.

– Нет, прошу, нет!

Дверь на другом конце коридора распахнулась, и я увидела маму: в том же вечернем платье, волосы всклокочены, в голосе страх и мольба.

– Ты чертова шлюха! – Отец замахнулся, обрушивая на хрупкую фигуру тяжелые кулаки. – Я убью тебя! – завопил он

– Мама! – я кинулась к ней. – Мамочка!

– Мразь! Тварь! – Каждое слово отец сопровождал жесткими ударами.

– Нет, пожалуйста, нет! – я бросилась к ней, закрывая избитое тело своим. Я не узнавала ее. Красивое ангельское лицо было все в крови! – Мама, мама!

– Мелена, быстро в комнату! – взревел отец, отдирая меня от безжизненного тела.

Она ведь в обмороке? Она не умерла? Боже, молю, пусть она будет живой!

– Шлюха, – он пнул ее еще раз, – и ты, – ткнул в меня трясущимся от ярости пальцем, – вырастешь такой же, если не принять меры!

Он достал телефон и коротко вызвал охрану, а я трясущимися руками убирала окровавленные светлые волосы с лица матери. Отец с силой оттащил меня от нее и скомандовал в

миг появившимся мужчинам в черных футболках:

– Уберите ее отсюда.

– Мама! Мамочка! – вырывалась я, рыдая навзрыд. Пожалуйста, не оставляй меня! Пожалуйста! Я хочу с ней!

Отец потащил меня к моей спальне и толкнул внутрь, с силой захлопывая дверь. Все, моя жизнь закончилась. Я осталась один на один с чудовищем...

Марк

Мы с братом перед вылетом решили поужинать в симпатичном ресторанчике рядом с пляжем. Отец еще вчера ждал с отчетом и результатами, но пришлось задержаться – после удачной сделки нельзя было отказывать Гордону Берроузу, тем более что с отцом они знакомы не один десяток лет, хотя друзьями их назвать сложно. У Гордона в принципе не могло быть друзей – слишком неприятный тип. И я не думаю, что так кажется только мне. Но работать с ним на взаимовыгодных условиях – одно удовольствие. Его не совсем легальные доходы надежно спрятаны в офшорах нашего финансового конгломерата на Кайманах, и он за это прекрасно платит. А вчера мы оформили отличную сделку с муниципалитетом Палм-Бич: Гордон за определенный процент надавил куда следует, и тендер на застройку прибрежной линии у нас в кармане. Скоро во Флориде будет новая сеть отелей класса люкс. Отец будет доволен.

– Какая встреча! – услышал и обернулся. Помяни черта...

– Мистер Берроуз, – Грей вежливо улыбнулся, но я-то знал, чего стоило ему с ним любезничать.

– Как хорошо, что вы еще не улетели, – Гордон сделал знак официанту и присел. – Не против, если я присоединюсь?

– Ну что вы, – ответил я.

– В договоре в мэрии напортачили, нужно переподписать, – он положил передо мной документы. Юридические тонкости и право подписи были моей вотчиной. Пока я изучал контракт, у них с братом завязалась светская беседа.

– Есть один клуб, – слушал вполуха я. – Девочки просто конфетки, все делают, любой каприз.

– Готово, – я вернул договор.

– Ну так что, отметим сделку? – Гордон выразительно хлопнул по папке, улыбаясь.

Странно. Все это странно. Первый человек в городе сам приезжает и привозит документы, потом предлагает сходить в бордель. И выражение глаз... Подозрительно недоброе, что ли. Не нравится мне все это, очень не нравится.

– У нас самолет через два часа, – сухо отказался я. Шлюх я и на Кайманах вдоволь потаскаю, а Грей слишком влюблен в Джоанну Берроуз, чтобы повестись на продажную страсть. Хотя, для отвода глаз можно и покувыркаться в компании старого борова Гордона.

– Задержим вылет еще на пару часов, – он достал телефон, связываясь с аэропортом.

Мы с Греем быстро переглянулись, и он обаятельно ответил:

– Почему бы и нет!

Мы приехал в ночной клуб и вошли с неприметной стороны – Гордона, судя по лизоблюдской реакции персонала, знали здесь хорошо.

– Не нравится мне все это, – тихо сказал Грею, поравнявшись с ним.

– Расслабься. Иногда ты чересчур подозрителен.

Я мрачно хмыкнул. С Греем у нас были по-настоящему братские отношения, но этот ветер в его голове. Ему двадцать семь, старше меня на четыре года, но просчитывать наперед, оценивать риски, не лезть в драку, если знаешь, что не выйдешь из нее победителем так и не научился. Порой он совершал глупости. К примеру, трахать жену Берроуза – большая ошибка. Гордон может улыбаться и выглядеть, как добрый дядюшка, но голову откусит и не поморщится – никаких угрызений совести.

Мы спустились по лестнице, окунаясь в фиолетово-красный мир порока. Девушки ходили обнаженными, не считая тонких золотых цепочек, идущих от шеи к талии, а у некоторых они шли вдоль узких полосок на лобке и терялись в складочках половых губ. Запахи благовоний и кальяна, томные улыбки и порочные стоны. Даже мой деловой настрой спустился ниже, кровью ударил в пах.

– Моего племянника Билла, вы знаете, – весело заметил

Гордон, хлопнув того по плечу. Мы обменялись рукопожатиями и устроились в укромном уголке.

Раскурили кальян, выпили и сыграли партию в покер. Ставками выступали здешние проститутки. Выигравший выбирает первым. Спасовавший раньше других оплачивает удовольствие.

– Поздравляю, – весело хмыкнул Грей. Мы рассмеялись. Настроение определенно устремилось вверх, как и мой член. А вот Билл выглядел так, словно последнюю рубашку отдает. Не умеет с достоинством держать удар. Неудачник. Не потому что проиграл, а потому что злится на победителя.

– Выбирай! – Гордон театрально раскинул руки, обводя голых молоденьких красоток. Не одной нет старше двадцати. Оно и понятно: клиентура такая, что встает через раз и только на юную задницу.

Симпатичная тоненькая блондинка с голубыми глазами с самого начала привлекла внимание. Взгляд игривый, а в глубине глаз страх. Новенькая, наверное.

Мы закрылись в випе. Она танцующей походкой подошла, склоняясь надо мной, острыми сосками мазнув по щеке. Я закурил предложенную самокрутку. Затянулся глубоко, задерживая дым внутри, купаясь в нем. Туман и легкость заполнили голову, сметая барьеры.

– Чего ты хочешь? – томно шепнула девушка, облизнув пухлые губы. У меня в глазах реальность померкла – интересно, что за траву они забили, потому что передо мной сто-

яла и медленно оглаживала себя не оплаченная шлюха, а Мелена Берроуз. Юная сладкая девочка. Совсем не мой типаж. Слишком хрупкая. Нежная, как цветочек. Покорная и кроткая, как тень, следующая за хозяином. Но красивая очень. Даже странно, что подонок Гордон смог породить такое ангельское создание.

Я понимал Грея – Джоанна Берроуз была аппетитной красоткой, но ее дочь со временем станет еще лучше. Девственные, нетронутые губы вчера возбудили меня. Невинный поцелуй со вкусом порока.

– Мелена, – я ощутил на языке эти шесть букв, возбуждаясь от запретных мыслей. Член окаменел, вздыбливая ткань брюк. Вероятно, у меня не будет возможности сорвать эту ягоду, но я ведь могу сублимировать. – Поиграй со мной щелкой, – мягко приказал, расстегивая ремень, выпуская на волю жесткий ствол.

Девушка медленно и игриво водила пальчиками по промежности, прикусывая нижнюю губу, дразнила меня и заводила. Стонала громко, словно член уже таранит ее влажную дырочку. Я вторил ей, неспешно надрачивая, растягивая удовольствие. Увы, шлюха не Мелена, а у меня правило: не засовывать член в щелки общего пользования. Разве что...

– Подойди, – поманил пальцем, широко разводя ноги. Она опустилась на колени. Я потерялся тугой пунцовой головкой о влажный рот, толкнулся внутрь, входя на полную. Стриптизерша издала гортанный звук и зачастила с дыханием, но за-

глатывала исправно. Я затынулся в последний раз: тело стало легким, и только член жил острой распутной жизнью. Оргазм прокатился по стволу, вырывая из горла полурык-полустон:

– Да... – выдохнул я, кончая ей в рот, глубоко разбрызгивая горячую сперму.

Как отключился не помню, а вот очнулся резко, со странным холодом, прошившим спину. Что за траву мне подсунули в этом дорогом гадюшнике не знаю, но пора забирать Грея и валить отсюда. Девушки уже не было – оно и к лучшему, настрой на трах выветрился, как легкое похмелье. Я неспешно застегивал брюки, когда внимание привлекла какая-то возня за дверью.

Рывком распахнул ее, огляделся и пошел на сдавленные звуки. Дурное предчувствие сжало грудь. Грей. Не даром мне весь вечер казалось, что Гордон бросал на него злобные взгляды. Неужели узнал о связи брата с женой?

Быстро прошел по коридору, попутно открывая двери, так, на всякий случай. Вдруг Грей все еще развлекается с какой-нибудь доступной красоткой. Нет, не развлекается. Я нажал на ручку – она не поддалась. Уперся и ударил плечом, настежь распахивая. Увиденное поразило нереальностью. Этого не может быть!

– Грей! – Я бросился к брату, лежавшему на полу ничком, а перед ним Гордон с закатанными рукавами. Ублюдок!

– Держите его, – скомандовал двум громилам, на которых

я в запале не обратил внимания. Но и я не был маленьким и хилым, а еще во мне кипела ярость. Порву голыми руками за брата! Почему же он лежит так тихо? Вставай, Грей, вставай! Кулак врезался в небритую челюсть одного охранника, другой размазал лицо о мое колено. На пути к брату столкнулся с Биллом, схватил, занеся руку, но остановился: он стоял зеленый, с опущенными испуганными глазами – явно не получал удовольствие от происходящего. Отбросил его с дороги, замешкавшись долю секунды – это было моей ошибкой: на голову опустилось что-то тяжелое. Сознание я не потерял, но теперь меня били, не оставляя живого места. Блядь.

– А вот и второй братец, – Гордон со злорадством улыбнулся. Я дернулся, но держали меня на совесть. – Теперь ты уже не такой красавчик, – он снова вернулся к Грею. Меня беспокоило, что во время потасовки брат так и не очнулся. Ублюдок Берроуз пнул его, переворачивая. Я заревел зверем раненым. Мрази! Конченные мрази! На животе брата расплылось большое красное пятно. Этого не может быть. Не может! Он должен жить! Должен!

– Ты ответишь за это, – с мрачной решимостью выплюнул я.

Гордон демонстративно вскинул руку и посмотрел на часы, затем довольно отметил.

– Никто вас искать не будет. Самолет, которым вы вылетели три часа назад, уже как пятнадцать минут пропал с радаров. Его никогда не найдут. Океан большой. А я буду скор-

беть вместе с твоим отцом, – он даже притворно вытер несуществующую слезу.

– Ублюдок.

– Это вы с братом ублюдки! На мое позарились, – зашипел Гордон. – Но я буду милостив и не убью тебя. Ты будешь гнить в тюрьме: без имени, без срока, без права на освобождения – ни жив и ни мертв. Станешь никем. И будешь каждую минуту помнить, что собственность Гордона Берроуза – неприкосновенна! Если бы твой братец не сдох, он бы составил тебе компанию. Уберите ублюдка.

На меня обрушился град ударов, потом я отключился. На пять долгих лет выпал из жизни...

Глава 1

Марк. Пять лет спустя

Меня жгла, переполняла ненависть. Ярость билась в висках с каждым восходом и закатом. Благодаря ей я выжил. Не сломался, не опустил, не поддавался отчаянию и тоске, накатывавшей в первое время особенно часто – остро, будто ножом по сердцу. Чтобы выбраться и отомстить мне нужно было жить, копить силы и ждать момента. Это стало установкой, маяком в океане жестокой реальности. Я принял ситуацию, признал тюрьму с ее суровыми законами: научился убивать для защиты и по приказу. Понял, что здесь нет правых и виноватых, есть только стремление забраться выше, чтобы править среди тех, кого жизнь не пощадила. Я никогда раньше не бывал в тюрьмах, но эту можно было смело назвать более чистой версией ада: практически круглосуточная изоляция, никакой цивилизации, пытки, как со стороны заключенных, так и охраны.

Я научился держать под контролем боль, гнев, печаль и воспоминания о прежней жизни, а вот месть смаковал. Желание покарать распространилось на всех, кто носил фамилию Берроуз. Никого не пожалею, никого не пощажу!

Время шло. Мое тело потеряло следы молодой сытости. Оно высохло и налилось сталью крепких мускулов, а мозг

стал острее бритвы. Я обзавелся силой, связями и влиянием. Пять лет в аду – пора прощаться. На воле меня ждали родные. И не ждали враги.

Первый звонок в дом моих родителей сделал из тюрьмы – мне понадобилось четыре с половиной года, чтобы получить доступ к телефону. Мы не говорили долго: единственное, что ему нужно было делать – ни в коем случае не прекращать сотрудничество с Гордоном Берроузом. Остальное расскажу, когда войду в родной дом. Еще полгода я готовил место для приемника в этом чертовом аду. Да, я не буду убивать убийцу брата. Я буду упиваться его мучением. Ему, в отличие от меня, не удастся избежать пожизненного заключения в личном филиале чистилища на земле. Да, Сатана постарался, но, как оказалось, даже с ним можно договориться.

Именно поэтому в первый день лета я, одетый в полицейскую форму, с документами на имя Родриго Кортеса, глубоко вдохнул ароматный воздух воли. Я жив, полон уничтожающей ярости и готов драться даже с самим дьяволом. Помогли бог, в которого я больше не верил, моим врагам!

Девять с половиной часов, и я приземлился в аэропорту Большого Каймана. Джорджтаун встретил суетой, теплым, наполненным йодом ароматом моря и давно забытым облегчением. Я дома. Наконец дома.

Я вошел на виллу через тайный ход, который знали только члены семьи: ни с прислугой, ни с гостями, если таковые в это время были у отца, я встречаться не хотел. Сад пест-

рел яркими тропическими цветами. Сладкий запах кружил голову, навевая воспоминания: здесь я вырос, жил, любил, но я не чувствовал себя прежним. Я не стану им, пока не отчищусь, пока огнем и острым ножом не вспорю язву, отравляющую меня. Потом. Потом начнется новая жизнь.

– Марк? – отец заметил меня, встав с плетеного кресла. Черные волосы знатно посеребрились, сам похудел и осунулся. Пять мучительных лет не прошли даром. – Марк, это ты? – тихо, с неверием.

Да, я сам себя не узнавал: тюрьма закалила тело и душу, а сердце вообще дотла выжгла.

Мы крепко обнялись, обмениваясь родным теплом, кровью, быстро побежавшей по венам, сердцами, забившимися в одном ритме.

– Что произошло? Что с Греем? Пять лет. Мы похоронили вас...

– Я все расскажу, – мрачно сказал я. – Только сначала хочу стать собой.

Отец сжал губы, но настаивать на немедленном разговоре не стал. Да, это правильно. Я понимал его нетерпение, но сперва должен избавиться от вонючих коповских шмоток.

– А где мама? – осмотрелся, удивляясь, что она до сих пор не на террасе. У нее же слух острее, чем у пантеры! – Скажи ей, что я жутко голоден.

– Сын... – отец странно посмотрел на меня, с горчинкой во взгляде. – Иди... потом... все потом. Иди, твоя спальня

ждет тебя.

Я поднялся на второй этаж, задержал на мгновение ручку, с силой сжимая, и толкнул дверь – в груди предательски защемило: кровать застлана бледно-голубым, даже на вид хрустящим бельем, ореховый пол натерт до блеска, а в центре яркий пушистый ковер; двери на балкон распахнуты, тонкие занавески плавно взлетали, и можно расслышать крики чачек, облюбовавших портовый берег – ничего не изменилось, словно и не было тяжелых пяти лет.

Я рывком сбросил пропотевшую одежду с чужого плеча, стремительно шагнув в сторону ванной. Стал под обжигающий душ и наконец смыл с себя вонь американской тюрьмы. Набросил полотенце на узкие бедра и подошел к зеркалу: бритье не заняло и двух минут, а вот кривая усмешка долго не сходила с губ – от Марка Нортмана, пять лет назад вошедшего в элитный бордель в Палм-Бич, не осталось ничего, разве что глаза, но и они потеряли прежнее выражение, отражая исключительно мощную решимость поквитаться с врагами. Скулы заострились еще больше, жесткая складка губ, хищный разлет бровей – да, не быть мне больше обаятельной душой компании. У меня и души-то больше нет.

Я сбросил полотенце и вошел в гардероб: все разложено и развешено с педантичной аккуратностью – наверняка, мама постаралась. Рубашки по большей мере оказались малы. Незадача. За прошедшие годы мое тело налилось силой и дышало агрессией. Мышцы четким рисунком выделялись на

смуглой коже. Я долго и упорно тренировался, чтобы выжить, чтобы стать идеальной машиной для убийства. Нет, насилие не стало моей страстью, но оно стало орудием. Без него в этом мире никуда, как это ни прискорбно.

Футболка обтянула широкие плечи и грудь, пряча татуировку на всю спину: грозный лев, вцепляющийся оскаленной пастью в шею – символизм в каждом ударе иглы. Так будет с моими врагами. За то, что лишили меня брата, дома, семьи. За слезы матери и горе отца. Стальные глаза безжалостно сузились – я больше не ведал снисхождения. Я думал, что ненавидеть больше просто невозможно, через час понял – можно.

Мы стояли на старом кладбище «Ватлер». Даже ветер замер в кронах тонких миндальных деревьев, словно грустил по ушедшим, не смел беспокоить прах мертвых.

– Она не страдала, – шепнул отец, положив на могильную плиту любимые матерью дикие орхидеи. – Тихо ушла во сне. Не смогла смириться со смертью детей.

Я стиснул челюсти, сжал кулаки. Как же так! Как, блядь, это могло произойти?! Мама. Цветущая красивая женщина, веселая и нежная... Я посмотрел на наши с Греем надгробия. Еще одна жизнь, еще одна душа на счету семьи Берроуз. Я погладил костяшками пальцев фотографию с буйным темными кудрями и большими серыми глазами.

Селеста Мария Нортман, мама, светлая память, мы будем скорбеть о тебе вечно.

– Я клянусь, мама... – дальше я продолжил про себя. Я отомщу за нашу семью. Я растопчу, уничтожу виновных. Отниму деньги, власть, лишу близких. Пока не останется ничего, только пустая оболочка. Бешеный пес, которого нужно пристрелить, но и тогда я не сжалюсь, не смилюсь. Гордон Берроуз займет мое место. Я хочу, чтобы он полностью прочувствовал падение с вершины и закончил жалкое существование забытым и никчемным. Ничто и никто не остановит меня. – Я клянусь, мама...

Мне кусок в горло не лез, а вот от предложенного виски не отказался. Отец со стуком поставил на стол большую бутылку – мы устроились напротив друг друга, молча пригубив терпкий напиток. Отдавали дань памяти.

О гибели Грея я рассказал по дороге домой, потом тихо поделился последними годами своего существования. То была не жизнь, а выживание.

– Я убью его! – отец с яростью стиснул бокал.

– Это слишком просто. Я приготовил ему особое блюдо, – в упор посмотрел на отца. – Мы лишим его всего. Деньги и власть – самое большое сокровище Гордона Берроуза.

Отец согласно кивнул, задумчиво поглаживая тонкий ободок стакана.

– Нужно объявить о твоём возвращении.

– Чудесном, – тонко улыбнулся я и предложил: – Я готов стать ещё одним Робинзоном Крузо.

Папа оценил идею, скупым подрагиванием губ.

– Берроуз продолжает хранить деньги у нас?

Рот отца скривился, став горькой складкой. Я понимал, что он сейчас чувствует: принимать соболезнования и утешения от убийцы... Три души пропали по вине Гордона Берроуза. Я хоть и жив, но моя давно отправилась в преисподнюю. И я приду за долгом, спрошу строго, с процентами. Даже дьявол будет милостивей.

– Он был на ваших похоронах и на маминых... – сдавленно произнес отец.

Ублюдок! Мерзкий выродок! Порвать бы его голыми руками, сейчас, немедленно! Я мысленно приказал успокоиться, смирив гнев. Рано. Пока еще рано. Достойная месть не терпит суеты.

– Прежде чем я воскресну, нужно обнулить счета Берроузов.

– Все? – уточнил отец.

Я усмехнулся. Папа все еще был совестливым, был человеком, а я больше нет. Мы отберем все, даже то, что ублюдок Гордон записывал на свою милую дочурку. Дочь... Мелена Берроуз. Я попытался воскресить в памяти юную тоненькую блондинку. Она мелькнула размытым, нечетким пятном. Ничего, я узнаю ее, изучу, заберу.

Собственность Гордона Берроуза – неприкосновенна!

Вспомнились слова палача моего брата. Да, для Гордона даже семья была объектом купли-продажи, а ее члены ма-рионетками, живыми куклами. Я лишу его игрушки. Здесь, на Каймановых островах, наша семья наделена практически безграничной властью. Здесь никто не найдет крошку Мелену. Ее отец будет знать, где она, кем стала – шлюхой в моей постели, причем добровольной, – и ничего не сможет сделать. Став мэром Палм-Бич, он наверняка трясется над имиджем и репутацией – о, я ослаблю его! Не будет ни карьеры, ни денег, ни семьи даже в его извращенном понимании.

– Я лично сделаю проводки. Спрячу деньги так, что никто не найдет, – я хищно улыбнулся. – Их нет и никогда не было.

За следующий месяц мы состряпали слезливую историю о выживании после крушения самолета. Давно у мировых СМИ не было такого шикарного и оптимистичного материала. Информацию растиражировали далеко за пределами Кайманов – весь мир писал обо мне. Кто бы знал, что моя минута славы будет вот такой! Мою мрачность списали на акклиматизацию и социализацию и окрестили загадочностью, завалив приглашениями на ток-шоу. Что же, популярность сейчас только на руку. Скоро информация дойдет и до ублюдка Гордона. Вот так сюрприз будет! А пропажа миллионов с его офшоров станет приятным дополнением и далеко не последним в длинном списке «казней египетских», приготовленных для семьи Берроуз.

В работу я окунулся с особым рвением: заново трениро-

вал мозг, заставлял думать, анализировать. Это отвлекало от тяжелых мыслей, помогало концентрироваться на первостепенных задачах. Мне нужна холодная голова и трезвый рас­судок, чтобы осуществить задуманное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.